

В ЭТИ ДНИ память переносит нас на древнее поле Бородине, над которым разгорается угро решающего сражения за судьбу России. Век и еще полвека отделили нас от легендарных редутов.

Героическое в искусстве неотделимо от героического в жизни. Нельзя играть готовый героизм, уже изваянный в бронзе. Как не питаться актеру, создающему образ героя Отечественной войны, сценами ранения и смерти князя Андрея Болконского. Мужественное человеческое поведение — неоценимый материал для художника. Мужественное поведение народа в Отечественной войне — целая школа в нашей труднейшей работе над созданием героического характера.

Я никогда не играл героических ролей. Но как режиссеру, как чтецу и прежде всего как человеку мне приходилось не раз задумываться над природой героического.

Я представлял себе Багратиона на поле боя, Кутузова в сражении... Я думал о солдате другой Отечественной

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

ЗАВЕЩАНО СОВРЕМЕННОМ

войны — Матросове, закрывшем грудью пулемет. И мне как актеру казалось, что здесь кроется громадный диапазон человеческих чувств. Подвиг солдата Матросова требовал колоссальной эмоциональной вспышки. Пожертвование жизнью не может быть холодным.

Другой полюс героизма — хладнокровное деяние полководца. Это Кутузов при Бородине, в избе на Филях, решающий судьбу Москвы, Отечества. В большинстве случаев героическое поведение — это мудрое хладнокровие или мужественный взрыв темперамента. Истинный героизм чужд напыщенности и рисовки.

На вечер, перед Бородином, вернувшись после объезда своих войск, Наполеон сказал:

— Шахматы поставлены, игра начнется завтра.

В другое время Наполеон сказал о шахматах менее театральные и более подходящие к своему случаю слова: «Они слишком трудные, как игра, и мало серьезные, как наука или искусство».

Наполеон сам любил театральность, рисовку. Он и в истории остался благодаря своим стараниям до некоторой степени театральной фигурой. Мне кажется, он был прекрасным актером. Любя парадность, позолоту, мишуру, помпезность, он именно как актер понимал силу простого мужественного поведения. И этой, тоже наигранной стороной натуры он влиял на своих солдат.

Вряд ли мужественная простота была природной, настоящей для Наполеона. Для Кутузова она была настоящей.

ИЗ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ, людей доблестных и умудренных в ратных подвигах, мне в первый раз пришлось сыграть роль именно Кутузова в новом фильме режиссера Э. Рязанова «Гусарская баллада». Роль эта — небольшой эпизод картины. И, конечно, далеко не главный эпизод в жизни великого полководца. Одна черточка в многообразии личности Кутузова.

Но играя, по существу, водевильное приключение, случившееся на пути полководца, я неизбежно столкнулся с тем, что даже в этом несколько шутиливом эпизоде Кутузов должен быть... Кутузовым. Если не проиграть для самого себя **всего** Кутузова, не дай бог, получится водевильный старичок, добрый дядюшка в фельдмаршальском мундире. Не играя и не имея возможности сыграть в фильме сцены, где Кутузов являет свои главные и самые ценные качества, я должен был представить их себе умозрачительно. Даже в небольшом, но столь ответственном эпизоде пришлось думать о **всей** личности Кутузова. Но, разумеется, существует разница — думать или играть реально.

Если говорить о «сквозном действии» Кутузова — это выполнение мудрым, усталым стариком своего военного долга перед Родиной, перед русским народом. Это как бы несение высокого бремени, которое ему дала судьба. Когда я размышляю, как себя ведет Кутузов в самые тяжелые моменты, я вижу проявление его характера в дисциплине солдат, в принимаемых армией решениях. Тут, мне кажется, не может быть моментов рисовки. Она у полководца не шла дальше тех обрядов, которые близки народу. Кутузов мог перед боем осенить войско крестным знаменем. Он мог склонить старческие колени перед знаменами. Это и шло, конечно, от глубины сердца. И чем непривычнее, неловко он это делал, тем ближе и дороже был он народу.

Я повторяю, что делюсь здесь тем, что не сыграно, что, к сожалению, вряд ли когда-нибудь будет сыграно. Безусловно, моя работа — только эскиз роли.

...Жизнь есть жизнь. И исторические события запечатлеваются в нашей памяти веселыми и печальными, опасными и романтическими. Размышляя об Отечественной войне 1812 года, невольно замечаешь, что рядом с героическими фигурами Кутузова, Багратиона, Платова, Фигнера народная память сохранила имена людей, прославивших себя веселыми подвигами, остроумны-

(Окончание на 4-й стр.)

Литературная газета
г. Москва

6 ОКТ 1962

(Окончание.
Начало на 3-й стр.)

ЗАВЕЩАНО СОВРЕМЕННОМ

ми и бесстрашными поступками. И в литературе рядом с фигурой Пети Ростова, чей подвиг и смерть юношески чисты, окрылены романтикой, Толстой рисует бесстрашных вельсачков, бойких русских солдат, которые с улыбкой и шуткой на устах заглянули в лицо смерти на страшном поле Бородина.

Так и всегда. И в новой Отечественной войне рядом с Александром Матросовым стоит собирательный образ русского солдата Василия Тёркина, шутника, остролова, героя. Матрос Кошка или Шванди в «Яровой», Петяка в «Чапаеве»... И в их характерах своеобразно романтизируется время. И героика времени.

По-моему, героико-комедийный характер, столь близкий народному восприятию, является неотъемлемой частью воскрешения славных событий прошлого. Это ценный, необходимый литературе и искусству аспект, в котором заложены подлинные крупницы народной героической истории.

Но здесь не следует забывать об одном. Каким бы ни был собственный комедийный ключик образов матроса Кошки, Шванди, Петьки, в их характерах не исчезает, не ополшляется, не приносится главная героическая тема произведения. Напротив, она лишь обретает большую достоверность, обогащается новыми красками из народных

истоков юмора, жизнелюбия и суждения о героизме.

И это, на мой взгляд, единственно правильный путь.

КОГДА актер проникается не внешней формой, а скрытой психологией героического, он находит в глубине человеческой натуры, к которой обращен взгляд, простоту и скромность.

Это подтверждает жизнь. Когда мне приходилось бывать во фронтовых поездках, когда я разговаривал с летчиками, разведчиками, меня поражала их скромность. Они стеснялись говорить о совершенных подвигах. Да, мне не приходилось видеть людей, которые бы с упоением разглагольствовали о своей доблести и отваге. Скажи они так, они сразу бы стали материалом для комедийного характера. Как ни странно, герой в позе героя прежде всего комичен.

А поведение наших космонавтов? Их чистосердечность, стеснительное добродушие, простота покоряли и удивляли нас. Именно таким представал перед нами героизм наших замечательных современников.

Мне хочется вновь вспомнить театр, чтобы показать, что истоки героического характера в жизни и на сцене (если речь идет о правдивом отображении действительности) одни и те же. Вот

Любовь Яровая. Актриса, воплощающая ее образ, или режиссер, размышляющий над сценическим решением,

понимают, что Яровая вовсе не прирожденная героиня. Ведь пьеса и рассказывает о становлении героического характера, само название подсказывает, что героиня **всходит**. Всходит потому, что жизнь воздействует на натуру честную, совестливую. И тогда действия человека становятся вынужденными. **Иначе он поступить не может.**

Герой не может поучать, хвастать. Но единственное, главное — он не может бежать от тех испытаний, которые ему предлагает жизнь, диктует его гражданская совесть. Здесь я вижу начало героического деяния. А потом человек «обстреливается» этими испытаниями, выдерживает их, и вот — как бы явился герой. Родился.

Могут подумать, что, стремясь выявить самые естественные, обыкновенные истоки героизма, я зову актера к упрощенности, к той простоте, которая, как говорится, хуже воровства. Нет, я убежден, что героические роли очень сложны. И опрощать их никак нельзя. Но, проникая в суть героических характеров, актер должен бережно хранить естественное благородство души своего героя. Потому что лишь при **чистом** проникновении актера в жизнь воплощаемые образы **кристально чисты**.

Вот что мне кажется самым важным для рождения в искусстве героического образа.